

«...если ареопагитский неоплатонизм является идеологическим базисом грузинского ренессанса, то философская поэма Руставели „Витязь в тигровой шкуре“ дает адекватное поэтическое восприятие идей Псевдо-Ареопагита».⁵⁰

Философские идеи Псевдо-Дионисия Ареопагита были фактом мирового культурного значения. И прежде всего для развития идеологии гуманизма.

IV

Характер и цели использования патристики в православной церкви не есть критерий отношения к патристике со стороны древнерусского читателя. Интересы церкви и общества не совпадали и в этом пункте. Поэтому, если согласиться с А. С. Архангельским в том, что переводы патристических сочинений были «любимым и главным»⁵¹ материалом для чтения в древнерусском обществе, то следует либо отождествить вкусы, запросы и интересы древнерусского читателя с церковными, либо понять, что древнерусский читатель удовлетворял в патристике отнюдь не одни конфессиональные интересы.

Понятие мудрости и науки не было в сознании русского общества XIV—XVI вв. отдифференцировано от религии, так же как, например, и у самых образованных и ярких деятелей итальянского гуманистического просвещения XIV—XVI вв. Грамота едва ли не понималась как Писание, т. е. как писание с большой буквы, как священное писание, а не просто искусство чтения и письма. Но этот факт имеет двустороннее значение. Люди всегда живут интересами жизни. Религиозное восприятие мудрости и науки было возможно потому, что и в самой религии искали науку и мудрость жизни, не жизни метафизической, а науку и мудрость насущного человеческого бытия.

Для древнерусского общества Афанасий Александрийский, Василий Великий, Григорий Назианин, Григорий Нисский, Дионисий Ареопагит, а также и Аристотель, и Платон, и Фалес, и Демокрит, и Зенон — это не два ряда имен, это один ряд. В древнейшем из сохранившихся списков «Шестоднева» Иоанна Экзарха Болгарского (1263 г.) имеется заголовок, надписанный не экзархом, а всего скорее русским читателем XIII в.: «Шестоденье съписано Иоанном пресвитером экзархом от св[ятого] Василия, Иоана, и Сеурияна, и Аристотеля философа, и иных...».⁵²

Тот факт, что в древней Руси Иоанну Дамаскину приписывалось такое произведение, как «Повесть о Варлааме и Иоасафе», показывает, как расширительно понимались патристические произведения. Псевдо-дамаскины, псевдо-златоусты и иные «псевдо» — это не случаи, а явление в древнерусской письменности. Так, под именем Златоуста ходило на Руси (с XV в.) сочинение «Кояя дела вины быхом самовластнии...». Оно полностью приводится А. С. Архангельским в IV выпуске «Творений отцов церкви в древнерусской письменности». Среди сочинений Златоуста этого сочинения нет. Псевдо-Златоуст, о котором мы говорим, посвящен теме о нравственной свободе и воспроизводит христианское переложение этого античного учения:

«Ты бо не тогда раба си приязнива твориши, егда бо связан во оковех дръжиши. Но егда он своею волею принят и любит тебя и сам бо не хотел бы того. Да раба связав дръжиши, но сам он зло сотворит безумием

⁵⁰ Ш. И. Нуцубидзе. Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита. Тбилиси, 1942, стр. 51—52.

⁵¹ А. С. Архангельский. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. ЖМНП, 1888, № 7, СПб., стр. 1.

⁵² А. С. Архангельский. Творения отцов церкви..., стр. 28.